

ГИПОТЕЗЫ

DOI 10.37386/2305-4077-2021-1-88-104

А. С. Миронов¹*Московский государственный институт культуры*

БЫЛИНА НА РУССКОМ ФРОНТИРЕ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ДОХРИСТИАНСКОГО ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В СТАРИНЕ «АЛЕША ПОПОВИЧ И ЗМЕЙ ТУГАРИН»

Автор выявляет ценности, мотивирующие Алешу Поповича и Змея Тугарина, сравнивает структуры их ценностных центров и приходит к выводу о том, что эти персонажи демонстрируют противоположное – языческое и христианское – понимание славы, чести и богатырской силы. В статье выдвигается предположение, что функция былины об Алеше Поповиче и Тугарине заключалась в коррекции ценностного центра слушателя с целью девальвировать в нем языческую аксиологическую парадигму. По мнению автора, именно актуальностью жанровой задачи объясняется тот факт, что сибирские варианты этой старины являются более яркими и содержательными, чем версии, записанные в европейской части России.

Ключевые слова: былины, Сибирь, аксиология, Алеша Попович, Тугарин, слава, честь, сила.

A. S. Mironov*Moscow State Institute of Culture*

BYLINA ON THE RUSSIAN FRONTIER: DECONSTRUCTION OF THE PRE-CHRISTIAN EPIC HERO AS A PLOT FUNCTION OF THE FOLK EPIC «ALYOSHA POPOVICH AND TUGARIN THE SERPENT»

The author reveals values that motivate Alyosha Popovich and Tugarin the Serpent, compares the structures of their value centers, and concludes that these characters demonstrate an opposed – i. e., pagan versus Christian – understanding of such categories as glory, honor, and strength. The article proposes a hypothesis that the function of the bylina (Russian heroic epic) about Alyosha Popovich and Tugarin is to correct the listener's value centre in order to devalue in it pagan axiological paradigm. According to the author, precisely such actuality of the genre purpose accounts for the fact that the Siberian variants of the bylina are more profound and vivid than the ones written down in the European part of Russia.

Key words: bylinas, Siberia, axiology, Alyosha Popovich, Tugarin, glory, honor, strength.

¹ Арсений Станиславович Миронов, кандидат филологических наук, доцент кафедры народной художественной культуры Московского государственного института культуры (Москва).

О первом появлении Алеши Поповича в Киеве и его столкновении с Тугариным пели во всех известных науке районах бытования русского эпоса², при этом былина, по-видимому, была особенно популярна в Сибири (записи сделаны на Алтае, Индигирке, Колыме, Анадыре, Лене, на Иртыше, в Бухтарме). Сибирские варианты казались исследователям наиболее яркими, сохранившими древние черты образа Алеши Поповича: так, М. К. Азадовский был убежден в том, что в сибирских записях облик Алеши «не потускнел», а сюжет «разработан наиболее полно» [Азадовский, 1939, с. 25]. По мнению Л. Н. Скрыбыкиной, в отличие от «скомканных» печорских вариантов, индигирские отличаются разработанностью конфликта, что «может свидетельствовать о первоначальности сибирской версии» [Скрыбыкина, 1992, с. 3].

С нашей точки зрения, на причины популярности и замечательной сохранности сюжета на территориях русского фронта в эпоху освоения Сибири могут указать результаты аксиологического анализа. Ниже представлены некоторые наблюдения о содержании концептов, выявленных в ценностном центре героя и антагониста; нами также зафиксировано изменение относительной «цены» конкурирующих концептов к концу былины.

В самом начале песни, когда Алеша вместе с сотоварищем только выбирает путь на росстаны, перед слушателем позиционируются следующие противоположные ценности:

а) вино/яства («вина дешевы», «питьё», возможность «запироваться», «промотаться») и телесная любовь красавиц («девки заманчивы», возможность «забаловаться»);

б) слава-молва («слава добрая», «выхваляба», «выслуга богатырская» в комплексе с антиценностью бесславия, «славушки недоброй»).

Если судить по одной из самых ранних записей этой былины, которая была сделана С. И. Гуляевым в Сузунском заводе на Алтае еще в первой половине XIX века, пьянство и разврат отвергаются Алешей потому, что порождают дурную славу-молву, причем под угрозой оказывается не личная, но «общая» богатырская слава:

Запьемся, Екимушка, загуляемся,

Потерять то нам будет слава добрая,

Вся-де выслуга богатырская.

[Алеша Попович и Еким Иванович, 1894, с. 93–94]

В печорском [Алеша Попович и Тугарин, 2001, с. 523] и пинежском [Поездка Алеши Поповича и бой его с Гогарином, 2002, с. 598] вариантах ценность вина также отвергается из-за угрозы ущерба, который может быть нанесен «корпоративной» славе русского богатырства. В других версиях герои опасаются, что их назовут «бражниками», «курвяжниками» [Приезд Алеши Поповича в Киев и убиение им Тугарина, 2002, с. 208].

² См. в частности: Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, № 19; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, I, № 27; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, № 99; Беломорские былины, записанные А. В. Марковым, № 47; [Ончуков Н. Е.] Печорские былины, № 64 и № 85; Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа, III, № 30.

Такое опасение прозвучало бы весьма странно в мире гомеровских героев или, например, Волсунгов, Кероглу и Алпамыша. Чрезвычайное количество выпитого и съеденного отнюдь не препятствует славе эпических персонажей, созданных другими народами (особенно восточными), и, напротив, часто воспринимается как маркер героического характера. Так, в армянском эпосе «Давид Сасунский» горный богатырь-пастух признает в Санасаре богатыря по количеству выпитого им молока и съеденного хлеба, а когда юный Гэсэр съедает вместе с братьями семьдесят телят, старик-отец радуется, предвидя в мальчике богатыря.

Исключительной любовной силой обладают многие эпические герои – от «прекрасного Каукомели» карельских рун до французского Гийома Оранжевого, который получает от римского папы право иметь десять жен [Коронование Людовика, 1985, с. 94]; от ирландского Кухулина до осетинских Сослана и Хамыца, вайнахского Сески Солсы, огузского Алп-Эрена. На общем эпическом фоне едва ли не исключительный случай представляет собой Алеша Попович, который в алтайском варианте предостерегает Екимушку об опасности вольных домов и кабаков с их «молодушками приветливыми» и «красными девушками прелестливыми» [Алеша Попович и Еким Иванович, 1974, с. 196].

Ценность приятного досуга с доступными красавицами отрицается и в печорских записях («С хорошими девками спознатца будёт – / Пройдёт про нас славушка недобрая» [Алеша Попович и Тугарин, 2001, с. 523]), и в пинежских [Поездка Алеши Поповича и бой его с Гогарином, 2002, с. 598], однако именно в сибирских вариантах отторжение блюда подано с особенной яркостью. В варианте, записанном Г. Н. Потаниным от казака Дьякова на Бухтарме, герои опасаются «вони нанюхаться» [Потанин, 1864, с. 103], а неизвестный сказитель, пропевший В. Г. Богоразу былинку об Алеше и Тугарине на Среднем Анадыре, посчитал нужным подчеркнуть, что «девки и бабы» приманчивы «по-пустому» [Алеша Попович и Змей Тугарин, 1991, с. 94]. В нескольких записях, сделанных на Индигирке, Алеша подчеркивает опасность для побратимов «за девьими гузнами залежаться» [Алеша Попович и Тугарин, 1894, с. 98], тем самым указывая на ценность «работы богатырской», которая поможет им достичь «славы-выхвальбы».

Эпическое сознание язычников не мыслит блуд в качестве греха. Так, в «Эпосе о Гильгамеше» близость Энкиду с блудницей открывает герою путь в цивилизованный мир, и никому у Гомера не придет в голову осудить Одиссея за его связи с Цирцеей и Каллипсо, а Нестора – за то, что почтенный старец обращается к единоплеменникам с призывом переспать с «плененными женами троянцев» [Гомер, 1949, с. 48]. Былинный Алеша, напротив, опасается любовных связей именно из-за угрозы бесславия.

Выбор побратимами опасной дороги, ведущей к «выслуге богатырской», говорит о высокой позиции славы-молвы в ценностном центре протагониста. Эта аксиологическая категория не только «дороже» питья-чревоугодия и телесных утех; слава-молва значит для героя больше, чем собственная жизнь («как живым не быть – так тут ехать!») [Поездка Алеши Поповича и бой его с Гогарином, 2002, с. 599]).

Ни в одном варианте былины нет указаний на то, что ее главный герой стремится снискать личную славу, то есть намеревается прославить собственное имя. Напротив, в алтайском варианте поется о коллективной «славе доброй, выслуге богатырской» [Алеша Попович и Еким Иванович, 1974, с. 196], понимаемой как репутация *всего* русского богатырства, представителями которого ощущают себя Алеша и Еким. В печорской версии эту славу-«выхвальбу» можно стяжать, если служить «Киеву городу на оборону» [Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин, 1904, с. 333]. Таким образом, неумеренные пиры и разгул отвлекают, отвращают героя от служения общей (соборной) славе и распространяют дурную молву о русских богатырях.

Концепт коллективной славы, доминирующий в рамках рассматриваемого мотива, вынуждает нас отказаться от восприятия Екима только как слуги, оруженосца. Выражение Алеши «пройдет про нас славушка недобрая» невозможно из уст одинокого рыцаря, сопровождаемого слугой-оруженосцем. У Кириши Данилова Еким обращается к Алеше как к «братцу» [Алеша Попович, 1977, с. 98], а в варианте, записанном в Сузунском заводе, не Еким, но Алеша ловит нож и советуется с побратимом [Алеша Попович и Еким Иванович, 1894, с. 96]. И хотя в варианте, записанном на Индигирке, спутник Алеши назван его слугой [Алеша Попович и Тугарин, 1894, с. 98]³, певец с самого начала подчеркивает равенство персонажей:

Два коня, два коня да коня добрые,
 Два копыя, два копыя да бурзумынския,
 Еще две сабли да сабли вострыя.
 [Алеша Попович и Тугарин, 1894, с. 97]

Далее поется о том, как спутники занимают равное место на пиру и делят угощение поровну. В пересказе былины, исполненном казаком Дьяковым на Иртыше, находим специальное указание собирателя: описание одинакового снаряжения Алеши и Екима «служило выражением единства их мыслей» [Потанин, 1864, с. 102]. Действительно, герои постоянно советуются между собой и сообща принимают решения (куда ехать, бросить ли нож в Тугарина и т.д.), а значит, несут общую ответственность за свои поступки и разделяют одну и ту же славу-молву.

Алеша и Еким не стремятся добыть честь-имущество (золото, земельные наделы, пленников и т.д.) – ни в результате самовольного захвата силой, ни в качестве законной доли при разделе от князя. Следует отметить, что дохристианский концепт личной славы непременно связан с присвоением чужого имущества: когда ценность добычи перерастает определенную меру и становится

³ Не исключено влияние на былинку лубка и прозаических пересказов, в которых вместо Екима героя сопровождает «слуга паробок», иногда в этих текстах названо имя спутника, указывающее на расторопность, торопливость слуги – Тороп. См., напр.: [V.] Отрывок из неизвестной былины // Русские былины старой и новой записи / Под ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера. М., 1894. С. 60; Былины. Исторические песни. Т. 2. М., 1919. С. 517.

исключительно высокой, такая добыча вызывает молву, т.е. славу. В русском эпосе богатырская слава – именно общая, а не личная (в былинах, за единственным исключением⁴, герои-побратимы не делят добычу между собой).

Ссора на пиру развивается как конфликт взаимоисключающих поведенческих моделей; это особенно заметно в варианте, записанном в Русском Устье:

Подносили Тугарину полведра вина.
Подносили Олëshеньке полведра вина:
Олëshенька-та да потихоньку пьет,
А Тугарин-от на один дух выпиват.
Подносили-то Тугарину белу лебедь-то,
Подносили Олëshеньке другу белу лебедь:
А Тугарин-от он целком ее глотат,
Только косточки-суставчики выплëиват,
А Олëshенька да потихоньку (помаленьку) ест,
Да половину-то да слуге дает...
[Алеша Попович и Тугарин, 1894, с. 98–99]

Певцы неслучайно подчеркивают способность Змеевича проглотить кушанье целиком: антагонист ни с кем не делится ни едой, ни славой – таково естественное поведение языческого героя, мотивированного одной только ценностью имущественной чести. Присвоить без остатка, завладеть – этот языческий принцип действует и в отношении одной из главных ценностей дохристианского эпического сознания – чужой красавицы, которую герой воспринимает как добычу:

Посадили Тугарина на кровать Владимировой жене;
Еще ноги-то положил на коленки ей,
Еще голову-то ей на грудь положил.
[Алеша Попович и Тугарин, 1894, с. 98]

Слушателю становится ясно, что Тугарин, в отличие от Алешы и Екима, в свое время сделал выбор в пользу пиров и разгула; он как бы олицетворяет эти страсти. На Нижней Колыме пели, что Змеевич, прибыв в Киев, «осмердил девиц, молодых вдовиц» [Старина про Алешу Поповича, 2019, с. 351]. Сила Тугарина проявляется в его способности соблазнять, и это подтверждается реакцией княгини на ухаживания антагониста, что показано у Криши Данилова [Алеша Попович, 1977, с. 103] и – особенно ярко – в казачьих вариантах:

Ждала, пождала друга милого к себе
Того-то ведь змея ну Тугарина...
[Змей Тугарин и княгиня Омельфа, 1908, с. 100]

⁴ В былине о Михайле Потыке Илья настаивает на дележе добычи не потому, что хочет получить свою долю, но только для того, чтобы Потыку пришлось разрубить на три части свою невесту, колдунью Лебедь Белую.

В понимании языческого героя *насильственное* обладание чужой красавицей существенно увеличивает его личную имущественную честь, однако в случае *добровольной* измены герой-соблазнитель добивается намного большего: он обеспечивает распространение молвы о своем любовном «подвиге». Если в былине об Илье Муромце и Идолище последний является только насильником (жена царя Костянтина не отвечает антагонисту взаимностью), то в лице Тугарина слушатель былины сталкивается с русским эпическим представлением об «идеальном» любовнике.

В ряде вариантов⁵ певцы не указывают на ответное чувство Апраксии к Тугарину, однако оно подразумевается. Например, в варианте, записанном на Индигирке, княгиня принимает Алешу, переодетого в платье Тугарина, за самого Змеевича и любит его наездником:

Еще знать-то добра молодца по поездочке,
Еще знать-то Тугарина по поездочке да по походочке...

[Алеша Попович и Тугарин, 1894, с. 100]

Итак, в отличие от Идолища, Тугарин – не насильник, но прелюбодей-соблазнитель; такова обычная роль змеев в русском фольклоре. В былинах змей («друг милый») прилетает к Маринке Потравнице; другой змей овладевает княгиней Марфой и зачинает будущего героя-оборотня, Волха Всеславьевича. Маринка Потравница, соблазняющая добрых молодцев и содержащая притон в Киеве, – тоже, по сути, змея (после ее смерти в каждом суставе ее тела обнаруживается «по змеенышу да й по гаденышу» [Добрыня и Маринка, 1896, с. 575]).

Кроме того, грамотные могли прочесть (и не в «отреченных» книгах, а в житиях, например, в «Повести о святых Петре и Февронии Муромских» Ермолая Эрасма) о том, что змеи любят соблазнять благочестивых жен, для чего являются им в человеческом облике. Змей Тугарин в этом смысле вполне соответствует образу житийного соблазнителя, «нацеленного» не просто на блуд с незамужней, но непременно – на прелюбодейство, на обладание чужой женой. Отметим, что все его царство под стать своему повелителю: как полагали певцы в низовьях Индигирки, именно во владениях Тугарина живут «девки заманчивыя» [Алеша Попович и Тугарин, 1894, с. 98].

Итак, Змеевич превосходит людей честью, силой и красотой. В сознании слушателя (и слушательницы) позиционируется ценность эротического чувства, страстной любви. Былинная картина обладания молодой княгиней лишена каких-либо отвратительных черт:

Берет ее за белые груди,
Цалует в уста ее сахарные;
Садится в большое место:
Пониже садится чудных образов,
Повыше садится всех князей, бояр.

[Змей Тугарин и княгиня Омельфа, 1908, с. 101]

⁵ См. в частности: [Ончуков Н. Е.] Печорские былины, № 85; Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа, III, № 30 (334).

Первая красавица и «большее место» в обществе – идеал «ветхого человека», сластолюбивого и тщеславного. Змеевич стремится показать всем, что княгиня не просто взята силой, но добровольно избрала его как мужчину, обладающего большей «ценой» по сравнению с князем. Владея княгиней по ее доброй воле, Тугарин – в понимании язычника – действительно достоин лучшего места на пиру.

Слава-молва о любовной победе Тугарина есть одновременно позор для князя Владимира. В таком бедственном положении его и застают прибывшие из дальнего княжества молодые богатыри – и, к счастью для князя, именно для них страдающий человек является наибольшей, конечной ценностью.

Когда герой открывает для себя ценность страдающего человека, это открытие меняет алгоритм его поступков по сравнению с дохристианским каноническим героическим поведением. Действительно, если посмотреть на сюжет этой былины с позиции языческого эпического певца, то перед нами – история о ничтожном, бесславном властителе, который неспособен совладать с женой и потому вынужден уступить ее более достойному герою, а также о юном, безродном и бесславном безумце, который, победив любовника княгини с божественной помощью (и благодаря хитрости), обретает вечный позор из-за того, что в свою очередь отказывается от обладания прекрасной добычей – самой княгиней, принадлежащей ему теперь по праву победителя.

Если же взглянуть на этот сюжет с точки зрения автора или читателя средневековых куртуазных романов, то перед нами – история трагической страсти прекрасной княгини и ее молодого фаворита (красавца и богатыря), конец которой кладет появление при дворе выскочки «без роду без племени», поповского сына, не обладающего ни сколько-нибудь значимым имуществом, ни благородным происхождением, который из ханжества оскорбляет любовника княгини на пиру и побеждает его обманом на поединке.

Обе трактовки в ценностном плане идентичны и предопределены господством в сознании «ветхого человека» ценностей телесной любви, силы как права на добычу и личной славы-молвы. Принять Алешу как положительного героя невозможно, не отказавшись от значения страстной любви и не проникнувшись состраданием к супругу княгини. Таким образом, история Алеши и Тугарина деконструирует предельную ценность языческого эпоса (личная слава), а также ключевой аксиологический концепт средневекового рыцарского романа (взаимную эротическую любовь вне брака).

На их место певцом выдвигается ценность любви-жалости к страдающему человеку – исключительно сильное чувство, заставляющее разгореться «сердце богатырское неутерпчивое». Увидев, что Тугарин восседает меж супругами и обнимает княгиню, Алеша недоумевает и пытается выяснить главное: не является ли поругание брака следствием того, что Владимир по доброй воле отверг жену:

Ты ой есь, Владимир стольнокиевской!

Али ты с княгиней не в любе живешь?

[Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин, 1904, с. 334]

Князь не отвечает богатырю, пытаясь скрыть от пирующих свое бесчестие; Алеше предстоит самому догадаться о страданиях, которые испытывает Владимир. Между незваным гостем и обесчещенным князем устанавливается особая связь, взаимное сопереживание: Алеша с изумлением вглядывается в происходящее и сердце его преисполняется «обидой» за Владимира. Князь, в свою очередь, всячески пытается отвести от своего юного, внезапно появившегося защитника смертельную угрозу, исходящую от Тугарина. Когда Змеевич насмешливо спрашивает об источнике дерзких острот в свой адрес, Владимир защищает Алешу:

– Что у те, князь, за пешным столбом?
Что за сверчек пищит? —

Отвечает Владимир князь:

«А маленьки ребятишки промеж себя говорят,
Сами бабки делают».

[Алеша Попович и Еким Иванович, 1894, с. 95]

Но Алеша не умолкает. В записи из сборника Кирши Данилова герой возмущается не столько поруганием института брака, сколько тем, что Тугарин издевается над Владимиром:

Тебе, князю, насмехается!
[Алеша Попович, 1977, с. 103]

Любовь-жалость к страдающему человеку – энергия, наделяющая русского эпического героя осознанием Божьей правды и, как следствие, смелостью. Богатырь перестает думать об угрозе для самого себя, он совершает подвиг сострадательной любви во славу Божию. Когда чашник предупреждает Алешу об угрозе прогневать Тугарина, тот отвечает:

...не печалу[и]ся ты об Олеше Поповиче, печалу[и]ся о Тугарине Змеевиче; а за меня печалуетца Спас и Пречистая Богородица.
[Отрывок из неизвестной былины, 1894, с. 59]

Спас и Богородица помогают герою в исполнении миссии сострадания, посылая дождевую тучу, – только с Божьей помощью слабейшему из киевских богатырей, совершенно лишенному физической силы (и никогда, ни в одной другой былине ее не проявляющему), удастся победить могучего Змеевича.

Итак, в начале былины слушатель мог обратить внимание на то, что ценности, отвергнутые Алешей на росстани (вино и яства, телесная любовь), совпадают с ценностями Тугарина. Соответственно, певец подводит своих слушателей к осознанию того, что неверный выбор пути сделал бы Алешу таким, как его антагонист. Победа же над Змеевичем окончательно обесценивает в ценностном центре героя концепты вина-чревоугодия и блуда, а также разрешает напряжение между различными трактовками славы (слава личная, языческая и – «соборная», христианская). Одновременно певец выстраивает параллельный ценностный конфликт: слушателю предстоит определиться в отношении таких важных эпических категорий, как честь и бесчестие.

Языческое понимание личной чести ориентировано на определение общепризнанной «цены» героя, которая складывается из чести наследуемой («вотчины») и чести добываемой («выслуга», захваченное имущество). То, как обставлено явление Тугарина в Киев, говорит о желании эпического певца ассоциировать атрибуты личной чести с образом антагониста. Змеевичу, как это принято в эпосе многих восточных народов, сопутствуют волки, вороны, выжлоки [Алеша Попович и Тугарин, 2004, с. 92], что свидетельствует о личной чести богатыря, охотника, а может быть, и колдуна. Чем больше спутников имеет герой языческого эпоса, тем выше его честь: так, Манаса сопровождают леопард, лев, тигр, птица Симорг, сорок ангелов и святой Хизр [Повесть о Манасе Великодушном, 2004], а свиту Кухулина образуют демоны [Бой Кухулина с Фердиадом, 1933, с. 143].

Напротив, Алеша и Еким в момент своего появления в Киеве не обладают личной имущественной честью: ни наследуемой, ни добытой. У княжьей коновязи побратимы не могут воспользоваться ни золотыми, ни серебряными кольцами:

Некому-то до коней да право дела нет...

[Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин, 1904, с. 333]

Оставленные без попечения кони – образ, противостоящий образу летающего коня Тугарина (в казачьем варианте былины он – звероподобный, ревуший [Змей Тугарин и княгиня Омельфа, 1974, с. 187]). Выезд Змеевича призван произвести впечатление на носителя языческой системы ценностей:

Ише платьица на ём да на сто тысячей,
На добром кони убор – дак цены не было;
У коня-та ведь из ноздрей дак искры сыплютьце,
Ише из роту ведь у коня дак пламя пашот тут.

[Алеша, передевшись каликою, убивает Тугарина, 2002, с. 202]

Входя в палаты, Алеша и Еким «поклон-от ведут да по-ученому» [Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин, 1904, с. 333], Спасу и Богородице, затем – отдельно – князю с княгиней. Такое поведение свидетельствует о соблюдении «чести» святых образов и статуса христианского правителя. Тугарин, напротив, признает только личную честь: его вносят на руках шестьдесят богатырей [Алеша Попович и Тугарин, 1894, с. 98]. «Индикатором» личной чести является место за пиршественным столом. Мы отметили выше, что Тугарин заслуженно – в понимании язычника, «ветхого» человека – получает наилучшее место (Алеша и Еким, напротив, довольствуются наихудшим).

Однако Алеша не уязвлен бесчестьем на пиру – потому, что (в отличие от остальных гостей) он прибыл не принять честь от князя, но совершить необходимую «работу богатырскую». И даже за печкой побратимы размещаются на особом – полевом, «волокидном» – ковре. Этот «богатырский» ковер – замечательный образ, иллюстрирующий аксиологический концепт, который не вписывается в языческую картину мира: неприметную, не ищущую себе добычи и чести силу. На первый взгляд, место на ковре остается позорным, «детским» местом на полу, однако «ковришко» превышает по своей ценности любую «дубову скамью»:

Ковришку Владимир-князь удивился:

«Хорошо де ваше ковришко волокитное!»
 Красным золотом оно было вышивано,
 В углах то было вшивано
 По дорогу камню самоцветному;
 От его то от пацыря (?) как луч стоит,
 Как луч стоит от красна солнышка.

[Алеша Попович и Еким Иванович, 1894, с. 95]

«Ковришко волокитное» придает честь любому месту, спасая тем самым даже не самого героя, но институт русского богатырства, который он представляет. Алеше и Екиму не нужно беспокоиться о восстановлении личной чести (как, например, беспокоятся об этом обесчещенные на ханском пиру герои огузского эпоса Бекиль и Герсе-хан). Алеша и Еким имеют другую цель: они намерены встать на защиту «честных» объектов: святых образов, князя с княгиней, пирующих, «честных столов», и наконец – института христианского брака.

Заметим, что Тугарин не наносит ущерба личной чести никого из присутствующих, кроме князя. Именно поэтому богатыри «языческой» формации не вмешиваются в происходящее на пиру. Более того, если кто-то из них окажет помощь киевскому владыке в деле восстановления его личной чести, то – с точки зрения язычников – для самого князя это будет бесчестьем, демонстрацией его неспособности лично защитить свои права. По этой причине, например, Казан-хан (герой огузского эпоса «Книга моего деда Коркута») с гневом отвергает предложение пастуха, который готов мстить гяурам за бесчестье своего господина.

Из всех пирующих Алеша – единственный, кто способен вызвать Тугарина на бой не ради приращения личной чести, но из сострадания к Владимиру, а также – из ревности об институте брака как таковом. Тугарин попирает «закон Божий», как называется брак во многих былинах⁶. В большинстве вариантов певцы подчеркивают, что Тугарин садится *между* супругами⁷: тем самым Змеевич разрывает единство мужа и жены, составляющих в понимании христианина «плоть едину», которую «человек да не разлучает» (Мф. 19:5–6).

Носителем языческого этоса такие действия Тугарина должны были быть восприняты как проявление смелости: герой осознает свое право на добычу. Напротив, христианин квалифицирует подобные поступки как попрание прямого указания Спасителя, то есть как беззаконие: по слову Свят. Иоанна Златоуста, «как рассекать плоть есть дело преступное, так и разлучаться с женою – дело беззаконное» [Златоуст, 1901, с. 635].

⁶ См., например: Чурило и неверная жена Перемякина // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. В 3 т. Т. III. СПб.: Тропа Троянова, 2003. С. 73; Алеша и сестра Бродовичей // Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: А. А. Левенсон, 1901. С. 72.

⁷ См. в частности: Старина про Алешу Поповича (Змей Тугарин) // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. М.: Моск. высш. жен. курсы, 1908. С. 97; Алеша Попович, Еким и Тугарин // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литогр. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 261; Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин // [Ончуков Н. Е.] Печорские былины. СПб.: Типо-литогр. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. С. 334.

Итак, Тугарин не покушается на личную честь пирующих, он – не убийца, не грабитель (как Соловей) и не завоеватель (как Идолище, Калин-царь или Батыга), но прежде всего – незаконник, нарушитель Божьих установлений на земле. Это становится видно, как только он появляется в княжских палатах:

Да Богу собака не молитче,
Да князю с княгиной он не кланетче,
Князьям и боярам он челом не бьёт...

[Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин, 1904, с. 334]

В этих строках находим указание на непризнание Тугариным сразу трех «честных объектов» – святых образов, института Богом данной законной власти и установленного порядка чинов, который в понимании христианина отражает иерархический порядок мироустройства как такового. Впрочем, Змеевич не пытается уничтожить иконы, убить князя с княгиней и «честных гостей» – он лишь выказывает свое отношение к ним. Бесчинство Тугарина, конечно, не ускользает от глаз Алеши и Екима (тем более, что является демонстративным), однако оно не требует немедленной реакции, как не требовала бы ее простая демонстрация неуважения к институту брака. Но в отношении этого института Змеевич переходит от хулы к незаконию: он в прямом смысле бесчестит норму, освященную церковным Таинством.

Алеша успешно справляется с ролью «смотрельщика» на пиру (по мнению этнографов, «главная роль таких посетителей – рассматривать происходящее», «они не просто смотрят, они еще обдумывают и оценивают» [Кабакова, 2016, с. 117–118]): заметив незаконие, он упрекает в этом прежде всего хозяина [Отрывок из неизвестной былины, 1894, с. 59]. Ревность о Божьем установлении заставляет разгореться «богатырское сердце неутерпчивое», чем и объясняется смелость Алеши, публично оскорбляющего могучего Змеевича. Важно подчеркнуть, что миссия героя не предполагает восстановление чести Владимира как сюзерена: для Алеши он таковым не является, богатырь еще не находится на службе у киевского князя.

Итак, незаконнику Тугарину теперь противопоставлен «ревнитель» Алеша. Следующая значимая деталь указывает на эту роль юного богатыря: единственным, кто поручается за него (вопреки простой человеческой логике), оказывается – если не считать самого Владимира – тот, кто по «долгу службы» обязан стоять за «закон Божий»:

А за Алешу подписывал
Владыка черниговский.
[Алеша Попович, 1977, с. 104]

Победа Алеши, ревнующего об институте «честного» брака, над Тугариным, публично попирающим эту христианскую святыню, девальвирует ценность насильственного добывания чужой красавицы. Торжество христианского героя возможно благодаря его особенной силе – не такой, как у Змеевича. Былинный концепт принципиально отличается от языческого понимания силы как физического (или магического) превосходства, которое дает право на честь-имущество (добычу) и славу-молву.

Так, былинный Змеевич обладает исключительной физической мощью; кроме того, он – колдун, владелец волшебного летающего коня. В момент, когда Алеша бросает вызов Тугарину, сказитель дистанцируется от конфликта, воздерживается от оценок и никак не намекает слушателю на исход противостояния. Однако певец подготавливает процесс обесценивания языческого представления о силе в сознании своей аудитории, и первым этапом здесь становится попытка протагониста оспорить *право сильного*, которая призвана шокировать слушателей. Такая попытка выглядит безрассудной и самоубийственной – на фоне общего молчаливого согласия пирующих с действиями Тугарина.

В былинном мире помощь, данная Богом, выражается в том, что герой получает возможность реализовать свой талант, обычно дремлющий под гнетом грехов и слабостей, но внезапно пробуждающийся и действующий с чудесной силой. Талант Алеши – это его знаменитый «напуск» [Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем, 2003, с. 467]: смелая атака с использованием молитвы, военной хитрости, переодевания, «увертливости», «ухватки» – всего, что может заменить герою физическую или колдовскую силу, которой он совершенно лишен в сравнении с другими богатырями.

Сила Алеши – «разгарчивость» (иногда певцы называют ее «яростью» [Дюк Степанович, 1894, с. 172]). Однако былинная «ярость» христианина непохожа на ярость эпического героя-язычника, который вскипает гневом, когда наносят ущерб его чести-имуществу или личной славе (например, когда подвергают сомнению его смелость). Эпический герой христианского типа гневается, когда насильники или хулителю не воздают должной чести святым образам, «честным вдовам» или христианскому браку («закону Божьему»); его сердце в такие моменты «разгорается», он чувствует «обиду» за страдающего человека.

Как можно видеть, «ярость» эпического героя есть инструмент коррекции тех или иных аксиологических концептов. В данном случае певец использует этот инструмент для того, чтобы обесценить концепт физической силы (понимаемой как право на злодеяние), а также для того, чтобы утвердить высокую стоимость таланта, который дан человеку для служения, а не для использования в личных интересах.

Христианский концепт силы как бремени и ответственности утверждается в конце былины, когда князь Владимир предлагает Алеше остаться в Киеве («Князя не ослушался, / Стал служить верою и правдою» [Алеша Попович, 1977, с. 105]). Заметим, что подобное понимание силы не подразумевает, что князь должен одаривать (чествовать) героя за подвиги, как это непременно происходит в языческих эпосах. Ни в одной песне нам не удалось найти указаний на то, чтобы Владимир каким-либо образом вознаграждал Алешу за его службу (за исключением обычной чести, приличествующей русскому богатырю на княжьем пиру).

Итак, аксиологический анализ сибирских записей былины про Алешу и Тугарина свидетельствует о том, что эта старина могла быть «инструментом» активного, планомерного и целенаправленного воздействия эпического певца

на ценностный центр слушателей. Характер воздействия указывает на его цель: это – девальвация ключевых ценностей языческого сознания (таких, как вино и яства, телесная любовь, личная, «именная» слава, персональная имущественная честь, богатырская сила как личное превосходство и право на добычу, а также «героический» гнев). Если рассматривать былину в ценностном аспекте, то нужно признать, что она не является конгломератом разновременных и противоречивых (языческих и христианских, «аристократических» и народных, автохтонных и заимствованных) смыслов, наслонившихся в периоды бытования эпоса в разных социальных средах и не могла запоминаться и транслироваться русскими сибиряками механически. Напротив, ее смысл был вполне доступен пониманию и певца, и его слушателей.

Этот смысл складывается из ряда «узловых» мотивов, в каждом из которых позиционируется и затем переоценивается определенный концепт. Аксиологический «скелет» сюжета в сибирских версиях включает в себя следующие значимые элементы (в скобках указаны оцениваемые концепты):

выбор дороги («вино/яства», «плотские утехи», «соборная слава»);	Сузунский завод, Бухтарма, Индигирка, Анадырь
демонстрация общего «разума» богатырей, общего имущества («соборная честь», «соборная слава»);	Сузунский завод, Колыма ⁸ , Бухтарма, Лена, Индигирка, Анадырь
недостаток личной чести героев («личная честь», «соборная честь»);	Сузунский завод, Колыма, Анадырь
герои почитают святых и законы («ревность о святых»);	Сузунский завод, Колыма, Анадырь
героям достается бесчестное место («личная честь», «соборная честь»);	Сузунский завод, Колыма, Анадырь, Бухтарма
явление чествуемого антагониста («личная честь»);	Сузунский завод, Колыма, Анадырь, Индигирка
антагонист бесчестит христианские святых и институт брака («личная честь», «сила как право»);	Колыма, Индигирка, Анадырь
антагонист обладает женой властителя по ее согласию («плотские утехи», «личная слава-молва»);	Колыма, Индигирка, Анадырь
антагонист много ест и пьет, поедает кушанья целиком («вино/яства», «личная честь», «личная слава-молва», «сила как право»);	Сузунский завод, Колыма, Индигирка, Анадырь, Бухтарма
герой высмеивает антагониста («личная честь», «сила от любви», «ревность о святых», «гнев/ярость»);	Сузунский завод, Колыма, Индигирка, Анадырь, Бухтарма
герой не отвечает на брошенный Тугариным нож («личная честь», «ревность о святых»);	Сузунский завод, Колыма, Индигирка, Анадырь
антагонист получает общую поддержку («личная честь», «личная слава», «сила как право»);	Индигирка
герой молит Бога о помощи («сила от любви», «ревность о святых»);	Сузунский завод, Колыма, Индигирка, Анадырь, Бухтарма

⁸ См. в частности: Былины новой и недавней записи из разных местностей России, № 39. М.: Моск. высш. жен. курсы, 1908.

герой, лишенный физической и колдовской силы, бесстрашен («сила как право», «сила от любви», «ревность о святыне», «гнев/ярость»);	Сузунский завод, Колыма, Индигирка, Анадырь, Бухтарма
княгиня тепло отзывается о Тугарине («плотские утехы»);	Бухтарма, Индигирка, Анадырь
герой ревнует о чести брака («ревность о святыне»)	Колыма, Индигирка, Анадырь

Как можно видеть, сибирские певцы могли исключать эпизоды и образы, не связанные с развитием ценностного конфликта (например, про говорящего ворона, про «овечина» коня, про переодевание Алеши переходом каликой, про трофейное «платье цветное» и т.д.), но узловое аксиологические мотивы непременно присутствуют в их исполнении. Причина тому – отнюдь не особая «памятливость» [Скрыбыкина, 1992, с. 3] сибирских сказителей (здесь мы понимаем память как способность фиксировать механически, не переживая содержание внутренне), но – живая заинтересованность певцов в производимом ими воспитательном или корректирующем эффекте. Мотивы, связанные с конфликтом ценностей, составляют аксиологический код былины, в случае искажения которого функциональный акт фольклорной коммуникации теряет результативность, а значит, и смысл.

Функция былины определяет ее композиционно, обеспечивая стройность и сбалансированность. Результаты аксиологического анализа позволяют предположить, что рассматриваемая старина – в том виде, в каком она зафиксирована в Сибири, – не сохранила композиционных решений, реализующих дохристианские смыслы: вся эта песня, от начала до конца, есть продукт христианской культуры. Стремление сохранить функциональный смысл былины, характерное для сибирских певцов, обеспечивало единство содержания и формы, аксиологического кода и композиции – что исследователями эпоса воспринималось как «яркость», содержательность и даже архаичность (последнее наблюдение не лишено смысла, если допустить, что в Сибири певцы сохраняли изначальную функцию эпического нарратива).

Сюжет про Алешу и Тугарина тематически связан не столько с защитой Родины, сколько с сохранением православного культурного кода в условиях контакта с нехристианскими народами. Во время научной фиксации старины на севере европейской части России эта функция уже не была востребована; напротив, она оставалась вполне актуальной на Алтае и в Якутии, на Лене и Иртыше, Индигирке и Анадыре. Былина продолжала «работать» в качестве свода поведенческих моделей, связанных с русской идентичностью; особую актуальность для русских сохранял и образ Тугарина, ассоциируемый с восточной, нехристианской моделью богатырского поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азадовский, М. К. Русская былевая традиция в Сибири и на Алтае / М. К. Азадовский // [С. И. Гуляев.] Былины и исторические песни из Южной Сибири. – Новосибирск, 1939. – С. 7–28.

Алеша, переодевшись каликою, убивает Тугарина // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 200–203.

Алеша Попович // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – Москва, 1977. – С. 98–106.

Алеша Попович и Еким Иванович // Русские былины старой и новой записи. – Москва, 1894. – Отд. 2. С. 93–97.

Алеша Попович и Змей Тугарин // Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1991. – С. 94–97.

Алеша Попович и Тугарин // Русские былины старой и новой записи. – Москва, 1894. – С. 97–101.

Алёша Попович и Тугарин: [Былина] № 109 // Былины: в 25 т. Т. 4. – Санкт-Петербург: Наука; Москва, 2004. – С. 92–95.

Алеша Попович и Тугарин: [Былина] № 115 // Былины: В 25 т. Т. 1. – Санкт-Петербург: Наука; Москва, 2001. – С. 523–527.

Алеша и сестра Бродовичей // Беломорские былины, записанные А. Марковым. – Москва, 1901. – С. 68–73.

Бой Кухулина с Фердиадом // Ирландские саги. – Ленинград; Москва, 1933. – С. 133–172.

Былины. Исторические песни. Т. 2. – Москва, 1919. – 587 с.

Гомер. Илиада / Гомер. – Москва, 1949. – 552 с.

Добрыня и Маринка // [Гильфердинг А. Ф.] Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. – Санкт-Петербург, 1896. – С. 570–575.

Дюк Степанович // Русские былины старой и новой записи. – Москва, 1894. – С. 172–176.

Златоуст, Иоанн. Беседа LXII // Творения святого отца Нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 7. Кн. 1. / Иоанн Златоуст – Санкт-Петербург, 1901. – С. 633–642.

Змей Тугарин и княгиня Омельфа // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. – Москва, 1908. – С. 100–102.

Змей Тугарин и княгиня Омельфа // Добрыня Никитич и Алеша Попович. – Москва, 1974. – С. 186–188.

Кабакова, Г. И. Русские традиции гостеприимства и застолья / Г. И. Кабакова – Москва, 2016. – 463 с.

Коронование Людовика // Песни о Гильоме Оранжском. – Москва, 1985. – С. 85–145.

Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин // [Ончуков Н.Е]. Печорские былины. – Санкт-Петербург, 1904. – С. 333–338.

Отрывок из неизвестной былины // Русские былины старой и новой записи. – Москва, 1894. – С. 59–60.

Повесть о Манасе Великодушном / Победа над Алооке и провозглашение Манаса ханом. – URL: <http://eposmanas.ru/maksutov/-926/>. (Дата обращения: 21.11.20).

Поездка Алеша Поповича и бой его с Гогарином // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. I. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 598–600.

Потанин, Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении / Г. Н. Потанин // Этнографический сборник. – Вып. VI. – Санкт-Петербург, 1864. – С. 1–154.

Приезд Алеши Поповича в Киев и убийство им Тугарина // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: В 3 т. Т. I. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 208–210.

Рождение, молодость и бой Сокольника с Ильей Муромцем // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: В 3 т. Т. III. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 466–470.

Скрыбыкина, Л. Н. Былины русского населения северо-востока Сибири / Л. Н. Скрыбыкина – Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Санкт-Петербург, 1992. – 19 с.

Старина про Алешу Поповича (Змей Тугарин) // Былины новой и недавней записи из разных местностей России. – Москва, 1908. – С. 97–100.

Старина про Алешу Поповича // В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былевой эпос. – Москва, 2019. – С. 351–354.

Чурило и неверная жена Перемякина // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: в 3 т. Т. III. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 72–73.

REFERENCES:

Alesha, pereodevshis' kalikoyu, ubivayet Tugarina // Belomorskiye stariny i dukhovnyye stikhi: Sobraniye A. V. Markova. – Sankt-Peterburg, 2002. – S. 200–203.

Alesha i sestra Brodovichey // Belomorskiye byliny, zapisannyye A. Markovym. – Moskva, 1901. – S. 68–73.

Alesha Popovich // Drevniye Rossiyskiye stikhotvoreniya, sobrannyye Kirsheyu Danilovym. – Moskva, 1977. – S. 98–106.

Alesha Popovich i Tugarin // Russkiye byliny staroy i novoy zapisi. – Moskva, 1894. – S. 97–101.

Alesha Popovich i Tugarin: [Bylina] № 109 // Byliny: v 25 t. T. 4. – Sankt-Peterburg, 2004. – S. 92–95.

Alesha Popovich i Tugarin: [Bylina] № 115 // Byliny: v 25 t. T. 1. – Sankt-Peterburg, 2001. – S. 523–527.

Alesha Popovich i Yekim Ivanovich // Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich. – Moskva, 1974. – S. 195–199.

Alesha Popovich i Yekim Ivanovich // Russkiye byliny staroy i novoy zapisi. – Moskva, 1894. – Otd. 2. S. 93–97.

Alesha Popovich i Zmey Tugarin // Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Novosibirsk, 1991. – S. 94–97.

Azadovskiy, M. K. Russkaya bylevaya traditsiya v Sibiri i na Altaye / M. K. Azadovskiy // [S. I. Gulyayev.] Byliny i istoricheskiye pesni iz Yuzhnoy Sibiri. – Novosibirsk, 1939. – S. 7–28.

Boy Kukhulina s Ferdiadom // Irlandskiye sagi. – Leningrad-Moskva: Academia, 1933. – S. 133–172.

Byliny. Istoricheskiye pesni. Т. 2. – Москва, 1919. – 587 с.

Churilo i nevernaya zhena Peremyakina // Arkhangel'skiye byliny i istoricheskiye pesni, sobrannyye A. D. Grigor'yevym v 1899–1901 gg.: v 3 t. T. III.– Sankt-Peterburg, 2003.– S. 72–73.

Dobrynya i Marinka // [Gil'ferding A.F.] Onezhskiy byliny, zapisannyye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda. T. 2.– Sankt-Peterburg, 1896.– S. 570–575.

Dyuk Stepanovich // Russkiye byliny staroy i novoy zapisi.– Moskva, 1894.– S. 172–176.

Gomer. Iliada / Gomer.– Moskva, 1949.– 552 s.

Kabakova, G. I. Russkiye traditsii gostepriimstva i zastol'ya / G. I. Kabakova – Moskva, 2016.– 463 s.

Koronovaniye Lyudovika // Pesni o Gil'ome Oranzhskom.– Moskva, 1985.– S. 85–145.

Olesha Popovich, Yekim parobok i Tugarin // [Onchukov N.E]. Pechorskiye byliny.– Sankt-Peterburg, 1904.– S. 333–338.

Otryvok iz neizvestnoy byliny // Russkiye byliny staroy i novoy zapisi.– Moskva, 1894.– S. 59–60.

Potinin, G.N. Yugo-zapadnaya chast' Tomskoy gubernii v etnograficheskom otnoshenii / G.N. Potinin // Etnograficheskiy sbornik.– Vyp. VI.– Sankt-Peterburg, 1864.– S. 1–154.

Povest' o Manase Velikodushnom / Pobeda nad Alookey i provozglasheniye Manasa khanom.– URL: <http://eposmanas.ru/maksutov/-926/>. (Data obrashchenia: 21.11.20).

Poyezdka Aleshi Popovicha i boy yego s Gogarinom // Arkhangel'skiye byliny i istoricheskiye pesni, sobrannyye A. D. Grigor'yevym v 1899–1901 gg.: v 3 t. T.I.– Sankt-Peterburg, 2002.– S. 598–600.

Priyezd Aleshi Popovicha v Kiyev i ubiyeniye im Tugarina // Arkhangel'skiye byliny i istoricheskiye pesni, sobrannyye A. D. Grigor'yevym v 1899–1901 gg.: v 3 t. T. I.– Sankt-Peterburg, 2002.– S. 208–210.

Rozhdeniye, molodost' i boy Sokol'nika s Il'yey Muromtsem // Arkhangel'skiye byliny i istoricheskiye pesni, sobrannyye A. D. Grigor'yevym v 1899–1901 gg.: v 3 t. T. III.– Sankt-Peterburg: Tropa Troyanova, 2003.– S. 466–470.

Skrybykina, L.N. Byliny russkogo naseleniya severo-vostoka Sibiri / L.N. Skrybykina – Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.09.– Sankt-Peterburg, 1992.– 19 s.

Starina pro Aleshu Popovicha (Zmey Tugarin) // Byliny novoy i nedavney zapisi iz raznykh mestnostey Rossii.– Moskva, 1908.– S. 97–100.

Starina pro Aleshu Popovicha // V.F. Miller. Ocherki russkoy narodnoy slovesnosti. Bylevoy epos.– Moskva, 2019.– S. 351–354.

Zlatoust, Ioann. Beseda LXII // Tvoreniya svyatogo ottsa Nashego Ioanna Zlatousta, v russkom perevode. T. 7. Kn. 1 / Ioann Zlatoust – Sankt-Peterburg, 1901.– S. 633–642.

Zmey Tugarin i knyaginya Omel'fa // Byliny novoy i nedavney zapisi iz raznykh mestnostey Rossii.– Moskva, 1908.– S. 100–102.

Zmey Tugarin i knyaginya Omel'fa // Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich.– Moskva, 1974.– S.186–188.